

Клочки истории

Большой художник – по словам И. Бунина “маленький и трогательный, необыкновенно гостеприимный караим”

Эгиз Борис Исаакович (1869 – 1947) – художник. Родился в Одессе в семье караимов, потомственный почетный гражданин. В 1886 – 1890 учился в ОРШ (у К. Костанди). В 1890 поступил в Петербургскую АХ (учился у П. Чистякова). В 1893 оставил АХ, получив звание неклассного художника. Посещал Академии Жульена и Коларосси в Париже. Входил в состав Одесского общества изобразительных искусств, был членом правления и секретарем ТЮРХ. Преподавал в средних учебных заведениях Одессы. В 1917 вместе с К. Костанди был избран представителем ТЮРХ в Одесском Союзе работников пластических искусств. С 1920 жил и работал в Константинополе, с 1929 – в Париже, с 1930 – в Вильно.

В мае 2010 г. в Вильносе прошла первая посмертная персональная выставка караимского живописца Бориса Эгиза. Ее составили работы, хранившиеся в фондах Музея изобразительного искусства Литвы, и картины из частных коллекций. Многие из нас благодаря сему факту открыли для себя творчество одаренного соплеменника, соприкоснулись с историей его жизни. В статье к альбому репродукций, представленных на выставке работ Б. Эгиза, его называют признанным автором психологического портрета, но личность творца – его мироощущение, увлечения и привязанности, не раскрыта. Не сохранились свидетельства его современников, не осталось и людей близких ему. Остались лишь клочки – упоминание его имени в чужих историях и истории его родного солнечного и вольного города Одессы.

Татьяна Машкевич (Тракай)

1914 21 ноября. Состоялось торжественное соединенное заседание Одесского фотографического и Одесского художественно-фотографического обществ, посвященное памяти павшего в бою под Самбором бывшего председателя ОФО А. И. Рубца. В зале экспонировались его фотоработы, демонстрировались диапозитивы. Председательствовал на собрании М. А. Со-ловьев, с докладами выступили председатель ОХФО В. С. Родзевич и от художников Н. И. Скроцкий и Б. И. Эгиз. Собраны средства для премиального фонда имени А. И. Рубца за лучшую художественную работу на ежегодных фото-выставках. Художник Б. И. Эгиз от имени Общества южнорусских художников сообщил об учреждении премии им. А. И. Рубца для начинающих художников.

<http://artfoto.od.ua>

1898 году Бунин приехал в Одессу к писателю Федорову, где и познакомился с друзьями-художниками, членами “Товарищества южнорусских художников”. Подружился с портретистом Евгением Иосифовичем Буковецким, который устраивал в своем доме “Четверги”, посещали их только мужчины.

Бывал на “Четвергах” и Петр Александрович Нилус: “Художник и писатель, первоклассный колорист, талантливый поэт, тонкий знаток музыки”. Выделял Иван Алексеевич и Владимира Павловича Куровского художника, хранителя Одесского музея. Бунин говорило нем: “редкий человек по душевному восприятию и особому пониманию жизни. С ним всегда было интересно”.

Эти четверги посещали и братья Костанди, и Николай Дмитриевич Кузнецов. Художник Заузе, будучи музыкально одаренным человеком, на стихи Бунина написал романс “Отошли закаты на далекий север”. По словам Веры Николаевны “Иван Алексеевич его просто любил”. Приходил Тит Яковлевич Дворников, которого Бунин ценил, как художника, был и Борис Исаакович Эгиз, “маленький и трогательный, необыкновенно гостеприимный караим”

Муромцева В. Н. “Жизнь Бунина. Беседы с памятью, 1989.

Не перестаю утверждать, что Одесса — легендарный город. Даже ругань здесь своя, не понятная в любой другой стране мира. Сколько раз в детстве я слышал эти слова: «Иди ты... в баню Исаковича», и лишь лет в 14-15 от кого-то из старожиллов узнал, что вот она, на одной со мной улице, на Кузнечной, где в мои, послевоенные времена, была гарнизонная баня, а до революции — прославленная баня Исаковича. Почему посылали именно туда? С водой в Одессе всегда было трудно, а таких бальнеологических процедур не было нигде. Цены кусались. Так что, если послать, то и тебе, и себе в удовольствие.

К Исаковичам мы еще вернемся. А начать мне хотелось бы с воспоминаний о Семене Бабаджане. Была да сплыла такая профессия «холодный сапожник». Так вот Сема Бабаджан был «холодным антикваром». Он не держал магазин, лавку, он все сам в свои 60-70 лет разносил по домам коллекционеров. Как я уже писал, жил я на Кузнечной, 29, а Сема Бабаджан — на Спиридоновской, между Кузнечной и Новосельского. Чуть ли не раз в неделю на улице раздавался зычный

крик: «Женя!». Я выглядывал в окно, в белом пиджаке, какая бы ни была погода, стоял Семен Аронович: «Спуститесь, молодой человек. Кое-что есть!».

Собирал я книги, и Сема приносил мне на просмотр рукописи, журналы, газеты двадцатых годов, а иногда и сборнички стихов.

Позднее мы подружились настолько (что с того, что мне было двадцать, а ему шестьдесят), что я был принят в его доме, где вечно суетящаяся сестра Семена Ароновича — Рая ставила чай, а он из сундуков, из-под кровати, из секретера доставал (не побоюсь этих слов) мусор и сокровища, и все с одинаковым трепетом, с заговорщицкой улыбкой — дескать, только мы вдвоем понимаем настоящий смысл этих раритетов. В один из вечеров Семен Аронович показал мне фотографию старого человека и сказал: «Наш гахан». Я не понял, но не подал виду. А потом он выложил на стол удивительные книги — первый перевод Пушкина на караимский язык, фотографии караимских кенас, портреты семьи Исаковичей.

— Мы — караимы, — сказал мне С. Бабаджан, — и к нам относятся с особым подозрением из-за того, что Гитлер нас не уничтожил, как евреев. Гахан Шапшал доказал ему, что наши предки ушли из Палестины до того, как распяли Христа...

Удивительно, но факт. В нашем многонациональном городе, в нашем многонациональном классе, где были русские, евреи, украинцы, даже цыган, я не знал такого слова: караим. Вечером я выпрашивал отца, человека, много читавшего, любителя исторической литературы.

— Караимы — религия. А может, нация. После толкований Сталина, кто сейчас что разберет. Признают иудейскую религию, т.е. Ветхий Завет, но не признают Талмуд. А язык у них тюркский. Считают себя потомками хазар. Думаю, что точнее тебе может объяснить Семен Федорович Кальфа, с которым мы столько лет дружим, он ведь тоже караим. И тут оказалось, что ближайшее окружение нашей семьи, да и больные, которых лечит моя мать, — караимы. А я и не знал, не думал об этом — быть может, в этом и главная особенность Одессы. Признаюсь, уже иначе, с другим интересом, рассматривал я караимские архивы Семена Бабаджана — открывались неизвестные страницы истории города.

Из Крыма, а именно там осели караимы после исчезновения хазар, в 1798 году приехал в Одессу (городу было только 4 года) купец Илья с турецкими товарами. Это точка отсчета. Позднее в Одессу переезжают два купца, братья Мангуби. Этот род закрепился в Одессе на 200 лет. Помню балетмейстера Мангуби, который руководил самодеятельностью в парке Шевченко, их потомка.

Начал я эту статью с упоминания бани Исаковича. Так вот, Самойла Исакович был почетным гражданином Одессы. За ним — дела купеческие и издательские, бальнеологические и культурологические. Кстати, его дочь, Анна Исакович (сценический псевдоним Эль Тур) была звездой российской эстрады, совершала гастрольные поездки с великим скрипачом Яном Кубеликом, с успе-

хом исполняя русские песни во всем мире. И вновь о мосте над временем: как мне рассказывал Феликс Кохрихт, к сапожнику, что десятки лет работает в бывшей бане, заходил недавно правнук Исаковича, приехавший из-за рубежа.

Среди книг, которые показывал мне Сема Бабаджан, был «Талисман» А.С. Пушкина, переведенный на караимский язык одесситом Эраком. Подлинный дар, талисман, который графиня Воронцова подарила А. С. Пушкину, прощаясь с ним, представлял сердолик, оправленный в золото, а на сердолике — загадочная надпись. Лишь в конце XIX века ее удалось прочесть: «Сима, сын святого старца Иосифа, пусть будет благословенна его память». Востоковеды утверждают, что это караимская реликвия.

Признаюсь, что тогда меня больше интересовали не караимские, а русские находки Семена Ароновича. Но в Одессе, поэтому она и Одесса, все перемешалось. В его доме я купил великолепную книжку «Сезанн» Вениамина Бабаджана, родича Семы, художника, поэта, искусствоведа. Потом я увидел другие книги этого юноши, расстрелянного красными в 1920 году в Крыму. Круг замкнулся — караим, вышедший из Крыма, в Крыму нашел свой последний приют.

Книги В. Бабаджана в Одессе выпускало издательство «Омфалос», во главе которого стоял еще один одессит, литературовед, прозаик, поэт, эмигрировавший в Италию, Михаил Лопатто, опять-таки караим.

Запомнились в доме Семена Бабаджана рисунки караима Бориса Эгиза, ученика К. Костанди, документы о деятельности благотворительных караимских обществ в Одессе, которые не скупились на то, чтобы поддерживать культуру. По пригласительным билетам, рекламам, ресторанным меню я как бы изнутри ощущал реальную историю.

Нет, не случайно в Одессе была караимская кофейня «Дюльбер» (по-караимски «красивая»), молитвенный дом — кенаса — на Троицкой улице, куда приезжал высший духовный лидер — гахан, общество караимов для распространения просвещения взаимного вспомоществования. Здесь караимы ощущали себя своими среди своих.

Совсем недавно Одесский историко-краеведческий музей устраивал выставку «Караимы Одессы». Ее открывал юрист, профессор М. Ф. Орзих, караим. И я подумал: народ, существующий тысячи лет, крошечный, но стойкий... Я уже сказал, что знал С.Ф. Кальфу и С.А. Бабаджана, еще не упомянул художника и врача Н. Юхневича, для меня не безразличны фамилии Безикович, Фуки, Ботук... В чем же секрет этой жизнестойкости, направленности к добру? Мне напомнили караимскую пословицу: «Каждое дело имеет свою тайну». Стоит ли ее разгадывать, к чему?

Из воспоминаний Евгения Голубовского
(<http://www.odessitclub.org/>)